

ГРОЗДЬЯ СИЛЫ

V. ДЕХ

ЗЕМЛЯ ШАРВИЛИ

ПОВЕСТЬ

V. Dех

Земля Шарвили

«Автор»

2026

Dex V.

Земля Шарвили / V. Dex — «Автор», 2026

Шарвили — имя легендарного лезгинского богатыря, обладавшего силой, пока его ноги касались родной земли. Студент института гражданской авиации, названный в честь эпического героя, строит свою жизнь, пытаясь соединить влечение сердца и верность миссии, возложенной на него. Шесть глав, шесть дней погружения вглубь древней, самобытной культуры, где каждый шаг обнажает нерушимые, вековые принципы и святость семейных уз. Завораживающий колорит Хивского района, соседство древней цивилизации и девственной природы гор становятся фоном, на котором молодой человек осознаёт, что жизнь его — это нить, вплетаемая в многоцветный ковёр его рода. Повесть «Земля Шарвили» открывает масштабный сборник «Гроздь силы», посвященный судьбам детей из многодетных семей. Через призму разных возрастов, культур, регионов и социальных статусов цикл исследует внутреннюю силу человека, сталкивающегося с самыми сложными вызовами современного мира.

© Dex V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Предыстория	6
Глава 2. День первый	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

V. Дех

Земля Шарвили

*Посвящается моей жене,
первой в современной России
Матери-героине*

*Указ Президента РФ
№ 816 от 14.11.2022*

Глава 1. Предыстория

С каждым годом возвращаться домой становилось сложнее: постепенно привыкал жить вдали от семьи. И ещё появилась Оксана. Познакомился с ней в «лётке», где она училась на курсах бортпроводниц. Была она коренной ульяновкой, и стала для Шарвили проводником в мир за забором института.

Сам Шара, так называли его однокурсники, был домоседом. Выходец из большой лезгинской семьи, с детства мечтавший о небе, он приучил себя к мысли, что только усердный труд поможет осуществить мечту, а значит, нет времени отвлекаться. Не получилось у него стать своим для диаспоры выходцев из южного Дагестана, они считали его странным. Его мечта стать лётчиком ещё больше формировала у владельцев «приор» образ чужака. Будущему лётчику нравились техника и скорость, особенно, когда вспоминал, как на стареньком «патриоте» с отцом летали по склонам гор в поисках отбившихся от табуна лошадей. Но там в экстриме был смысл, а здесь?

Вообще, авиация привлекала не только романтикой полётов, но и своей понятностью. Всё было просто, как дома. Там у каждого действия было логичное объяснение, была явная полезность. Не было жестокостью убийство шакалов, задравших любимую козу младшей сестры. Это было необходимостью. И когда Михид, рыдая, рассказывала ему о смерти любимицы, не чувствовал гнева и желания мстить. Просто понимал, что шакалы – это как камни под водопадом, если их не убрать, начнётся заболачивание. Хорошо помнил, что, глядя на животное через прицел, он не видел перед собой слёз сестры и не испытывал жажды крови, а просто делал свою работу.

Бездумная агрессия земляков на улицах города была ему чужда. Рассказы о похождениях с драками, выяснениями отношений, романтическими победами вызывали внутреннее неприятие. Не мог представить себе отца, рассказывающего своим братьям, как он поставил на место зарвавшегося односельчанина. С детства Шарвили учили уважать людей, и ему повезло: вокруг него всегда были люди, вызывающие уважение.

Сейчас, уже учась в институте, понимал, что учителя в сельской школе, а потом и в школе в городе, не были так хорошо образованы, как его нынешние преподаватели. Но их человечность и внутренняя сила вызывали в сердце юноши трепет. Почему-то только учителя и отец называли его полным именем, для мамы и сестёр он был Вили, а для одноклассников – Шари. Знал, что назвали его в честь известного лезгинского богатыря, отличавшегося огромной силой. Возможно, глядя на него, понимающие ждали проявления в нём этой силы во благо родной земли. Может быть поэтому отнеслись с пониманием к его мечте – летать.

Большинство сверстников мечтало о спортивной славе, увлечение борьбой было всеобщим, но Шарвили не тянуло в спортзал. Отменное здоровье формировали горы и ежедневный труд.

Поступление в авиационный институт оказалось не таким сложным, как представлялось. Большой сложностью была разлука с родителями, братьями, сёстрами – домом. Звонить часто не получалось: в селе были проблемы со связью, да и загруженность на первом курсе была полная. Потом ещё добавилась «военка». В краткие минуты отдыха читал. С удивлением открывал для себя мир литературы о его крае. В школе он слышал о Ганиевой, Халилове, Севриновском, но потребности знакомиться с их творчеством не было: Дагестан был рядом. И только оказавшись вдали от дома, соскучившись по родным просторам, попав в мир иной, юноша почувствовал потребность в таком общении.

Казалось, ничего не сможет нарушить устоявшийся порядок. До окончания института оставался год...

Она стояла возле входа в первый учебный корпус, опершись на перила пандуса. Не была красавицей, и какими-то особенными данными не обладала, но когда он проходил мимо, она расхохоталась. От звонкого смеха молодой человек вздрогнул: было это неожиданно и очень громко. Показалось, что он никогда не слышал, чтобы человек так смеялся. Смех был не вызывающий, грубый, а искренний, открытый. Казалось, даже погода стала лучше. Шарвили зашёл в институт, но смех стоял в ушах, он не мог избавиться от мыслей о его владелице.

– Чего завис? – спросил его весельчак Егор, никогда не упускающий возможности превратить любую ситуацию в повод для балагана.

За три года все привыкли к его озорству, и в этот раз Шарвили скорее всего бы не отреагировал, но пришла неожиданная мысль: Егор знает обо всём происходящем в «лётке»:

– Девчонок возле входа видел? Знаешь?

– А как же «первым делом, первым делом самолёты»? – всё ещё продолжая хохмить, пропел балагур, но, осознав, что за три года Шара впервые заговорил о противоположном поле, сказал: – Узнаю!

Егор не раз говорил, что из всех дагестанцев, которых он знает, только один был нормальным – Шара. Все остальные вызывали у него жуткое раздражение, возможно, из-за того, что претендовали на ту часть внимания, которая по праву принадлежала ему. Шарвили часто думал, что хорошо было бы Егору съездить к нему домой, познакомиться с его большой семьёй и навсегда изменить своё мнение о горцах.

Через два дня между парами Егор заговорщицки отвёл его в сторону и начал быстро и увлечённо рассказывать. Узнал, что девушку зовут Оксаной, что она проходит платные курсы бортпроводниц, что сама она местная и... свободная. Тут разведчик лукаво подмигнул. Главное же, что узнал Егор: фитнес-клуб, в котором она занимается, находится рядом с институтом. И, конечно же, он не оставит раненого в сердце товарища и пойдёт в клуб с ним. Шарвили долго отнекивался, ссылаясь на занятость, но современный Меркуцио был непреклонен:

– Завтра, после «военки» переодеваемся – и в клуб!

Смысла сопротивляться он не видел: желание поближе познакомиться с обладательницей заразительного смеха не исчезало.

Он никогда по-настоящему не влюблялся. Были, конечно, девчонки, которые нравились, ему даже казалось, что в одну из них был влюблён, но стоило перейти в городскую школу, и он быстро её забыл. Здесь же всё было иначе. Оксану он видел всего несколько секунд, не разговаривал с ней, но какое-то непонятное и незнакомое доселе влечение овладело им. На построении и разводе, теоретических и практических занятиях думал только о приближающейся встрече. Старался составить план предполагаемого диалога, продумывал разные варианты развития событий. Его отрешённость была замечена преподавателем:

– Алиев! Приземляемся! Харэ парить!

В аудитории заулыбались: многозначность слова «парить» часто обыгрывалась офицерами. Он заставил себя сосредоточиться на предмете.

В тот вечер в клубе её не было. Как в последствие узнал Шарвили, была на Дне рождения у подруги. Заниматься особо не хотелось, и через час молодые люди ушли в общежитие. Он вспомнил, что, когда был ребёнком, отец на охоте учил подавлять свои желания:

– Не думай о том, кого ты ждёшь и о том, чего ты очень хочешь.

Тогда в верхнем загоне появились щенки алабая, и маленькому охотнику стоило неимоверных усилий не думать о них. И сейчас ему было сложно не думать о девушке. Решил погрузиться в чтение, но мысли путались, всё больше и больше подкатывало раздражение. Наконец, Шарвили решил позвонить домой. Телефоны мамы и старшей сестры Суны был вне зоны доступа. Дозвониться он смог только до дяди Мархара.

Это был один из младших братьев отца. После армии уехал в Сургут и жил там, работая на нефтепромысле. Там женился на русской и долго не приезжал домой, не желая сталкиваться

с осуждением родни. Шарвили был уверен, что дядя сможет его и понять, и поддержать. Но всё пошло не по плану. Дядя сразу почувствовал, что племянник что-то не договаривает. Когда тот признался, что встретил девушку, которая ему очень понравилась, дядя тяжело вздохнул:

– И тебя не обошла злодейка.

Ничего больше говорить не стал, расспросил об учёбе, узнал, когда тот собирается домой, пообещал ничего не рассказывать родителям. Настроение было испорчено окончательно.

Следующий день был выходным, Шарвили утром отправился на пробежку. Эта привычка появилась недавно – добежал до Волги, там садился на лавочку и смотрел на реку. Дома таких рек не было. От Волги веяло мощью и спокойствием, тревожные мысли уходили, настроение поднималось.

– Привет! – вдруг услышал он.

Повернувшись, обомлел – рядом в спортивном костюме стояла Оксана:

– Ты же в «лётке» учишься? Я видела тебя возле первого корпуса.

Пытался подобрать нужные слова, но они как-то не находились, отчего ситуация становилась ещё глупее. Понимая, что молчание будет воспринято как неучтивость, выдавил:

– Учусь.

– А лётчики все такие немногословные или ты особенный? – спросила девушка и улыбнулась.

– Все. Ой, нет, не все, только я, – сказал и понял, что выглядит комично.

Она рассмеялась. И именно в этот момент, когда опять услышал её смех, внутренний спазм прошёл, почувствовал себя легче и улыбнулся.

– Оксана, – протянула она руку.

– Шарвили, можно просто Шара, – пожал он протянутую руку.

Девушка не спешила забирать свою руку из его, по-прежнему улыбалась. Было видно, что она хочет что-то ещё сказать, но пока не решается:

– Можно я буду называть тебя Вили? – наконец сказала она.

Ему самому не нравилось, как называли его однокурсники, сокращение звучало небрежно и несерьёзно. А вот «Вили» было по-домашнему, и он сразу же закивал, соглашаясь с её предложением. Позже Оксана говорила, что никак не ожидала встретить такую скромность у кавказца, да ещё и лётчика. Их отношения были удивительным сочетанием раздольного волжского смеха и строгой горской сдержанности.

До студгородка шли вместе, говорили обо всём. Ему казалось, что знал эту девушку всегда. Рассказала она, что училась в Марьинской гимназии, «это там, где учились сёстры Ленина», что гимназия находится недалеко от лётного института. Рассказала, что, ещё учась там, она решила, что жизнь её будет связана с авиацией и поэтому пошла на курсы бортпроводниц. Узнал Шарвили, что живёт она вдвоём с мамой и что у неё нет ни братьев, ни сестёр. Эта новость вызвала в нём сильное переживание, на мгновение представил свою жизнь без отца, братьев, сестёр – и стало невыносимо тоскливо. Стало даже жаль Оксану и захотелось как-то утешить её. Девушка же не понимала, какие чувства переполняют её спутника и продолжала беззаботно рассказывать о себе. Когда она узнала, что в семье у родителей Шарвили шестеро детей, удивлённо замолчала. Разговор прервался впервые после их встречи, и какое-то время они шли молча. Но потом Оксана пошутила над его скромностью:

– Что ж ты с таким количеством сестёр девушек боишься? – разговор опять продолжился и больше уже не прерывался.

Расставаясь, договорились как-нибудь вместе попить кофе. Шарвили понимал, что будет очень ждаться этого «как-нибудь», что это будет отвлекать его от подготовки к сессии, но это уже не тревожило. Впервые вдалеке от дома появилось что-то, кроме самолётов, приносящее радость.

Являясь коренной ульяновкой, место для свидания выбирала она. Встретились в «Толстом». Студенты туда ходили не часто, и дело было не в ценнике, а в атмосфере, не способствующей развлечению. Он сразу обратил внимание на большое количество книг внутри. А что ещё можно было увидеть в кофейне «Толстой»? Книги стояли на полках, лежали на подоконниках, столах. По дороге она щебетала о каком-то диване-качели внутри и очень переживала, чтобы он не был занят. Когда заказали кофе, спросила, нравится ли ему поэзия. Для него существовало только два поэта: Лермонтов и Гамзатов, но не желая испортить мнение о себе, сказал, что нравится. Оксана бросилась куда-то к полкам и принесла тонкую книжицу с большими буквами «Сола Монова» и, плюхнувшись в кресло, стала читать. Сначала её чтение немного раздражало, казалось, что все немногие посетители кофейни смотрят на них, но потом то ли тексты, то ли манера чтения, открытая, беззаботная, сделали своё дело. Ему показалось, что эта «Монова» стала третьей в списке после Гамзатова. «Не место девочке в тюрьме твоих крутых амбиций».

Его удивляло, как мало времени проводит она в соцсетях. Вокруг все были «залипшими» и чужими для выросшего «вне зоны действия сети». Здесь же преобладало живое общение, и о человеке за вечер он узнавал больше, чем о своих однокурсниках за три года. Нравилась её речь, лишённая молодёжного сленга, всех этих «вайбов», «крашей», «чилить» и «рофлить». Темы для разговора определяла она, его это устраивало. Немного непривычна была способность перескакивать на новые, не завершив старые, но была в этом и своя прелесть: образ новой знакомой раскрывался полнее. За час, проведённый в кафетерии, от неё поступило несколько авантюрных предложений, вызвавших, с одной стороны, сомнения в их целесообразности, с другой, неподдельное желание попробовать. Рассказ об особенностях каждого приключения был такой яркий, что аргументов отказаться быть не могло. Остановились на погружении в прошлое.

В одной из городских гимназий проходили уроки в стиле позапрошлого, девятнадцатого, века. Антураж был соответствующий: строгий учитель в мундире, латынь, система наказаний и поощрений. Необходимо было продумать костюм. Ещё сидя в «Толстом», они весело обсуждали детали своего внешнего вида.

Время пролетело незаметно, надо было возвращаться домой, решили прогуляться пешком. В этом был и тайный умысел: желание увидеть, где она живёт. Девятиэтажка на Карла Маркса окнами выходила на сквер военного училища, дом был рядом с институтом, и это не могло не радовать.

Всё в этом первом свидании нравилось ему. Сочетание скромности с непосредственностью, её воздушность и широта взглядов, даже платье, в котором она была, словно подбиралось с учётом консервативности горцев.

Неделя пролетела незаметно. Всё вокруг было окрашено в радужные тона. Обычная язвительность Егора превратилась в фейерверк остроумия, возникла даже мысль, что место товарищу не в технической лаборатории, а на стендап-площадке:

– Смотрю, команду набираешь. Второй пилот не нужен?

Раньше казалось, что оставшийся год до получения свидетельства пилота – это очень долго, а теперь, вроде бы, и не очень. Шарвили не считал себя фантазёром, был практичен, трезво оценивал свои возможности и старался не совершать необдуманных поступков. Сейчас он сам себя не узнавал, но это состояние не пугало, а нравилось.

Воскресный поход в гимназию начался с поиска костюма. Ни у кого из однокурсников не было ничего подходящего. Остановился на гимнастёрке, в которой проходил военные сборы в прошлом году, благо она была без знаков отличия. Фуражку Егор нашёл в реквизите студенческого театра. С Оксаной встретиться договорились возле её подъезда.

Узнал её, только потому что ожидал увидеть девушку в форме. Перед ним была настоящая гимназистка. Русые волосы заплетены в две косички, в каждой из них белая лента. Корич-

новое приталенное платье было до середины голени и расклешённое книзу, сверху был надет передник, больше напоминавший медицинский, чем школьный. На ногах были коричневые полусапожки с заострёнными носами и шнуровкой спереди. Дополнялся образ книгой в руке. От прежней знакомой осталась только улыбка, которой она встретила своего спутника. Решили пройти пешком, по дороге вспоминали о школьных годах, одноклассниках, учителях. Не заметили, как подошли к гимназии. Время до занятий ещё оставалось, купили мороженное, сели на лавочку. Шарвили поймал себя на мысли, что так хорошо ему было, только когда ходил он с отцом на дальнее пастбище, когда ночевали под открытым небом и он слушал рассказы отца о том, как жили их предки.

Перед началом уроков участников собрали и объявили им условия. Удивительно, но всё было очень похоже на порядки в их старой школе. Не хватало только, чтобы, как их сельский учитель, гимназический преподаватель стал на колени и начал разжигать печь в классе. Урок каллиграфии, с хором из скрипящих перьев, разгадывание тайн под жужжание старинных механизмов, угрозы инспектора поставить нерадивых на горох в угол – всё это не погружало во что-то новое, а возвращало в уже забытое старое. Потом, когда они по дороге домой, обсуждали пережитое, заметили, эмоции очень отличались. Наверно, это был первый раз, когда Шарвили понял, что не так и много у них общего.

Через неделю учившиеся с Оксаной девушки пригласили их на выходные за город. В субботу в институте были занятия, поэтому условились присоединиться ко всем в воскресенье утром. Дорога на такси занимала меньше часа, место находилось в сосновом бору на берегу Волги. Рядом был национальный парк, поэтому организаторы тура предоставляли гостям бинокли для наблюдения за птицами. Всё это очень напоминало охоту и было очень популярным времяпрепровождением у ульяновской молодёжи, желающей отдохнуть от городской суеты и информационного потока. После обеда пошли кататься на сапах.

– Вода – не моя стихия, – попытался отвиливать Шарвили.

– А если вместо приземления приводнение? – пошутил кто-то из девушек.

Делать было нечего. Пришлось надеяться на свою сноровку. В теории всё казалось просто, на практике – не очень. Как он ни старался проделать путь с четверенек на прямые ноги – ничего не получалось. Предательская дрожь в коленях, когда не чувствуешь твёрдого основания, со стороны выглядела комично. Он злился на себя за то, что согласился, злился на девушек, потешавшихся над ним. Сойдя на берег, пошёл в лес, чтобы успокоиться. Оксана догнала его:

– Ты злишься? Злишься? Ну я же вижу, – приговаривала она, отвечая на его мотания головой, пытаясь удержать его обеими руками.

Он с силой вырвался и понял, что поступил грубо, что ведёт себя крайне глупо, и от этого стало ещё больше. Вдруг он увидел очень близко возле себя её лицо, глаза были печальны, она потянулась, встав на носочки и нежно поцеловала его в губы. Это даже и поцелуем нельзя было назвать, потому что, не готовясь к нему, они столкнулись носами. Рассмеялись одновременно, потом, перебивая, извинялись за детское поведение, обещали больше никогда так не ранить друг друга. День был спасён.

Летнюю сессию сдавал «на старых дрожжах». Времени на подготовку хронически не хватало, самолёты заменила девушка. Ею заполнены были все его мысли, казалось, что она всегда была рядом, даже когда её не видел. О будущем разговаривали редко, но не думать о нём он не мог. Понимание, что у подобных отношений есть только одно завершение немного тревожило. Представлял, как сообщит семье, успокаивал себя, что время сейчас другое и реакция родни будет спокойнее, чем на решение дяди Мархара. Если одобрили выбор такой профессии, то почему бы не одобрить желание жениться по любви. О том, что влюблён, понял ещё на первом свидании, когда шли домой из «Толстого». Подумал, что пока не будет говорить с ней о своих чувствах, съездит на каникулы домой, подготовит семью и сделает предложение, вернувшись

на учёбу. Потом останется ещё год в «лётке», можно будет зимой поехать вдвоём, познакомиться Оксану с мамой, сёстрами, начать приготовления к свадьбе. В голове всё складывалось довольно-таки стройно, оставалось просто пройти этот маршрут.

Рейс немного задерживался и идея улететь, не обсудив тревожащее обоих, провалилась:

- Ты расскажешь обо мне своим?
- Да, конечно. Уверен, они одобряют.
- Я бы не была так уверена.
- У меня есть план.
- Надеюсь.

Он понимал, что нужно сказать что-то правильное, но хотелось одного – объявления посадки...

Место было у иллюминатора, сидевший рядом парень не был расположен к общению, что, в принципе, радовало. Можно было сосредоточиться на плане, которого пока не было. Под крылом была Волга. Мысль, что им с рекой по пути, к Каспию, вызвала улыбку. Река-спутница показалась ему похожей на платье гимнастки, в самом узком месте был мост, словно пояс на талии. Только цвет был серо-зелёный, больше напоминавший цвет солдатской шинели. Река будто говорила, беззаботное время подошло к концу, впереди сражения, и к ним ты ещё не готов. С такими мыслями он заснул.

Проснулся, когда объявили, что самолёт готов к посадке. Он знал, что слева видно море, его же взору открылся Кавказский хребет. Горы были не такие, как дома. Те обволакивали, оберегали, успокаивали. Эти же были вдалеке и напоминали полки армии, выстроившейся для битвы. И то, что они занимали весь горизонт, не предвещало ничего хорошего.

Глава 2. День первый

Его встречал старший брат Кевха, оказавшийся в Махаче по делам:

– По земле ходить не разучился, небожитель?

– Завидуй молча.

Они обнялись. Шарвили приучил себя путешествовать без багажа, помещая всё необходимое в небольшой рюкзак, поэтому можно было сразу идти на стоянку.

Брату ещё нужно было заехать в несколько мест, и это время можно было использовать для сообщения Оксане. Сначала написал кратко, мол всё нормально, долетел, встретили, еду домой, но не отправил, понял, лаконичность расстроит девушку, да и самому нужно было выговориться перед кем-то. Образ, родившийся в самолёте, хорошо передавал его состояние. Подобно водам Волги, растворяющимся в Каспии под бдительным присмотром гор, он погружался в привычную атмосферу родного края, чувствуя, как превращаются в прошлое все переживания последнего месяца. Хорошо, что брату было не до него, и он не донимал расспросами, давая возможность сосредоточиться на переписке.

«Здесь душно и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Хочу быстрее решить все вопросы и вернуться назад. Уверен, у тебя есть ещё много невоплощённых идей – надо поторопиться», – написал он. Ответ пришёл мгновенно, было видно, что его сообщение ждали: «Не переживай! Прорвёмся! Турбулентность не страшна профессионалам. Не спеши, решай все вопросы, а я пока составляю список идей». Настроение улучшилось, было отраднo осознавать, что есть кто-то, понимающий тебя с полуслова, не требующий длинных объяснений.

– Ты чего залип? Раньше за тобой этого не водилось, – Кевха освободился и обратил внимание на брата. Был он не просто старшим, что уже ставило его на определённую ступень в семейной иерархии, но и ещё очень похожим на отца. Во-первых, внешне: такой же рослый, с крупными руками, не очень красивым, но очень мужественным лицом. Во-вторых, характер тоже был отцовский: немногословный, упрямый, с обострённым чувством справедливости. Иногда казалось, что и слова с его губ слетают отцовские и даже оттенки интонации удивительно похожи.

– Сообщил, что долетел.

– Кому? Нашим я уже отзвонился.

– В Ульяновск.

– А-а...

Многозначительное «а-а» было одновременно и ироничным, и испытывающим. Необходимость контролировать младших безоговорочно лежала на плечах старшего сына. Разговор явно не клеился, выручило, что летом выехать из города на юг было непросто: единственная дорога была загроужена. Кевха сосредоточился на вождении. Делал он это по-отцовски, как истинный горец, вальяжно держа одной рукой руль, а другой – толчками и рывками переключая передачи, откинувшись на далеко отставленную спинку кресла. Не ехал, а летел, как умеют это делать только обладатели регистрационных номеров «05». Шарвили подумал: хорошо, что мало лётчиков дагестанцев – и улыбнулся.

– Чего смешного?

– Наслаждаюсь твоим мастерством.

– Умничаешь? – уже окончательно смягчившись, спросил старший. Улыбка на его лице говорила о восстановленном доверии.

За окном проносились знакомые места: стихийные рынки, мастерские по обработке камня и ковке оград. Наверно, и столетия назад так же вдоль этой дороги, где с одной стороны был Каспий, а с другой – горы, процветала торговля и ремёсла. Раньше эти виды не вызывали

особых эмоций. Когда мальчишкой ездил с родителями в Махач, думал: скорее закончилась бы эта дорога, скорее добраться бы до столичных утех. Юношей не любил эту дорогу за пыль, вонь, тесноту. Сейчас же чувствовал сопричастность к этому суетному и вечному движению.

– Отец в городе, заедем? Или сразу домой? – прервал размышления старший.

– Давай заедем.

Подумал, что отец, наверняка, занимается лодкой в их доме на побережье. Когда-то они построили дом за городской чертой на косе. Думали, переехать в него, чтобы дети ходили в городскую школу и чтобы удобно было из него ходить в море, но ежедневно добираться на учёбу было неудобно, и мать настояла, чтобы построили ещё один дом в центре. Пустующий дом никого не смущал, детей было много, кому-то из них достанется. А пока там хранилась отцовская лодка и снасти. Он всю жизнь прожил в горах, и откуда взялась страсть к рыбалке непонятно, возможно, это стало способом уединиться в шумном городе, когда семья стала много времени проводить не в родовом селе.

Внедорожник стоял возле ворот, заросших виноградной лозой. Было видно, что здесь редко бывают люди. Во дворе что-то грохотало.

– Салам, помощники, – повернулся на скрип калитки большой мужчина в огромной футболке и таких же огромных шортах. – Присоединяйтесь!

Всё содержимое гаража было вынесено во двор и лежало сваленное в кучу.

– К свадьбе дом приготовить нужно, разместим здесь родственников Алима, – продолжал отец, никак не выказывая радости от встречи с сыном.

Алим был женихом Суны, сестры Шарвили. Ей уже исполнилось восемнадцать, сладкий плов уже был съеден и дата свадьбы определена. Первый день будет праздноваться в их родовом доме в селе, потом все поедут в дом семьи Алима, в другой район. Суна была неизбалованным ребёнком, привыкшим к тяжёлой сельской жизни, и хотя совсем не знала своего будущего мужа, не унывала, полностью доверяя выбор своим родителям.

– В этом году Суна, на следующий год давай уже ты, – определил Кевха и посмотрел не на брата, а на отца.

Старший брат уже три года был женат, ждали они уже второго ребёнка, и на холостяцкие будни Шари смотрел неодобрительно.

Отец никак не отреагировал, продолжал молча сортировать снасти. Братья переглянулись, один – с усмешкой, второй – неодобрительно, и пошли ему помогать. Шарвили нравилась такая жизнь, лишённая ненужных слов. Как в авиации: каждый знает своё дело, и нет смысла в разговорах.

Жара усиливалась. Отец предложил:

– Искупаемся?

Предложение относилось только к младшему сыну, потому что в семье плавать любили двое: отец и Шарвили.

Выйдя через заднюю калитку, мужчины спустились между валунами в море. Купались, не раздеваясь, хотя вокруг никого не было, подобные нормы были в подсознании и не обсуждались. Отплыв довольно далеко от берега, решили понырять. Отец делал это очень тихо, словно не желая кого-то потревожить, словно это было не обычное купание, а какой-то важный ритуал. Напоминал он тюленя, неуклюжего на берегу и очень ловкого в воде. Нанырившись в волю, поплыли к берегу, взобрались на большой камень, сели рядом, подставив солнцу лица.

– Как закончил год? – спросил отец, не открывая глаз.

– Как обычно, – в тон ему ответил, шурясь от света, сын. Анализ прожитого года поместился в двух словах. Несколько минут сидели молча, затем Шарвили сказал:

– Мне поговорить с тобой нужно.

– Говори.

– Я познакомился там с девушкой. Недавно. Она очень хорошая, – все слова, которые он готовил до встречи, куда-то испарились.

– Она наша? – прервав повисшую паузу, спросил глава семьи.

– Нет. Но она очень хорошая!

– Верю, – следующая пауза была ещё длиннее.

Потом отец продолжил:

– Ты, когда родился, был очень слабым. Твой дед сказал, что нужно назвать тебя в честь сильного человека, чтобы сила его помогла тебе выкарабкаться. И ты стал сильным. Ты уехал дальше всех из нашей семьи, все твои братья и сёстры здесь. Но силу эту легко потерять и опять стать слабым. Для этого нужно только оторваться от корней.

Для отца это была очень длинная речь, многословие не было его коньком. Сказав так много, он надолго замолчал. Сын попытался ещё раз:

– Она очень хорошая!

– Верю, – опять сказал отец, вставая и направляясь к дому.

Шарвили остался один. Он злился на себя, на отца, на всех предков с их законами, думал, что нужно было по-другому начать разговор. Но потом понимал, что всё это время он обманывал себя, а значит, и Оксану. У него не было нормального плана, все его варианты разбивались о горы и тонули в море.

Он знал, что отец не будет продолжать разговор. Так повелось с детства: когда родители не одобряли какое-то его решение, они просто переставали об этом говорить. С одной стороны, давали понять, что нет смысла пытаться их переубедить, с другой, молчанием утверждали понимание: «Всё поймёшь и без слов, ты же не глупый». От этого становилось ещё тяжелее.

После купания все поняли, что проголодались, и отец решил: пора ехать домой, мать заждалась. Шарвили поехал с братом, многозначительно молчать с отцом о поднятом вопросе не хотелось. С братом тоже разговор не клеился. Когда съехали на грунтовку, Кевха спросил:

– Отец говорил с тобой об Иере? – и после вопросительного взгляда брата продолжил, – Иере Магомедовой из соседнего села, она училась с нашей Суной.

Было понятно, что родители решили использовать эти каникулы, чтобы его женить. Такой поворот вызвал раздражение, которое вылилось на ничего не подозревающего Кевху:

– Каждый мой приезд одна и та же история! Оставьте меня в покое!

– Не понял. Родители должны перестать искать тебе невесту?

– Ну да, сам найду.

Кевха резко затормозил и съехал на обочину:

– А вот отсюда поподробнее. Может ты уже и нашёл?

– Может и нашёл.

Разговор уходил в очень опасную для Шарвили плоскость. Ожесточать против себя ещё и брата было ни к чему. Кевха женился на девушке из их села, был счастлив в браке и не представлял, что может быть иначе. Любое инакомыслие он расценивал как предательство и не мог позволить, чтобы подобное случилось.

– Тебе напомнить, чем закачивались браки без родительского благословения?

– А почему нельзя благословить на свадьбу с той, кого выберу я?

– Выбирай! Из предложенных родителями вариантов.

– Кефха, наше село – это не весь мир! Там за забором тоже есть жизнь.

– Я знаю, – неожиданно успокоился старший брат. – Вокруг нашего дома тоже есть жизнь: ходят коровы, козы, овцы. Но это не значит, что ты можешь жениться на одной из них!

– Ты несёшь чушь!

– Конечно, куда нам необразованным чабанам до парящих под облаками?

Шарвили замолчал, понимая, что какие бы доводы он не приводил, брат будет незыблемо стоять на своём, как горы Кавказа.

– Поехали домой, чабан необразованный.

Кевха не мог позволить, чтобы последнее слово в таком важном разговоре осталось не за ним:

– Поехали, пока ты ещё можешь назвать этот дом своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.